

На правах рукописи

Куренная Ирина Григорьевна

Территориальная символика Восточной Сибири

(вторая половина XVII - начало XX вв.)

Специальность 07.00.02 - «Отечественная история»

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Владивосток 2004

Работа выполнена в Забайкальском государственном педагогическом университете им. Н.Г. Чернышевского

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор Константинов Михаил Васильевич

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор Артемьев Александр Рудольфович,
кандидат исторических наук, доцент Троицкая Наталья Анатольевна

Ведущая организация:

Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусства

Защита состоится 28 июня 2004 г. в 13 часов на заседании диссертационного совета Д. 005.010.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 - Отечественная история, 07.00.03 - Всеобщая история, 07.00.06 - Археология, 07.00.07 - Этнография, этнология и антропология при Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН по адресу: 690950, ГСП, Владивосток, ул. Пушкинская, д. 89.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Автореферат разослан 26 мая 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Сухачева Г.А.

Общая характеристика работы-

Научная актуальность диссертационного исследования. Территориальные печати Восточной Сибири являлись предметом юрисдикции того или иного политического института, гербы символами местного управления и государственной власти на местах, историческими источниками территорий. Их изучение важно потому, что именно в Сибири наблюдается возникновение городских печатей с индивидуальной для каждого города эмблематикой. Необходимым и актуальным в условиях возрождающегося отечественного гербоведения видится поиск исторических традиций и национальных корней в символах сибирских городов. Исследуемый материал может послужить базой для возрождения герботворчества восточно-сибирского региона, а исторические образы сыграть важную роль в формировании современной социокультурной сферы. Актуализация изучения сфрагистики и гербоведения возрастает в связи с активным использованием исторической символики в реалиях современной России. Конституция Российской Федерации наделяет субъекты Федерации внешними признаками суверенитета. Особенно интересным представляется комплексное изучение истории символики Восточной Сибири в свете федеральных законов о государственной и региональной символике Российской Федерации 1999-2002 гг.

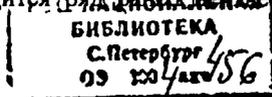
Цель исследования заключается в характеристике и аналитическом обобщении материалов по старинной сфрагистике и геральдике Восточной Сибири: Кроме того, она определяется необходимостью введения в научный оборот широкого круга источников, а также многочисленных фактов истории сфрагистики и геральдики, связанных с историей возникновения и применения символики означенного региона. Для достижения этого необходимо решение ряда задач:

- разработка и системная характеристика сфрагистического и геральдического материала Восточной Сибири XVII - нач. XX вв.;
- атрибутирование сфрагистического материала, поиск генезиса символов и их дешифровка;
- установление места исторической символики в общеисторическом процессе региона и в государственной политике России.

Объектом исследования являются процессы исторического развития территории Восточной Сибири середины XVII - нач. XX вв.

Предметом исследования является сфера государственной территориальной символики как отражение политических и хозяйственных процессов Восточной Сибири и вместе с тем как относительно самостоятельное явление, имеющее свою логику внутреннего развития.

Научная новизна исследования определяется первенствующей попыткой обобщения материала по сфрагистике и герботворчеству Восточной Сибири. В научный оборот **вводится ряд ранее неизвестных**

данных результатов исследований, которые дают материал по дальнейшему изучению означенной темы. Работа включает историографические, источниковедческие и теоретико-аналитические аспекты.

Наиболее существенные научные результаты, полученные в исследовании и вынесенные на защиту, сводятся к следующим **положениям**:

1) охарактеризованы правительственные акты по изучаемому вопросу, раскрыто их значение в исторических процессах Восточной Сибири;

2) выявлены закономерности возникновения региональной территориальной символики;

3) проведено обследование, выявление и систематизация актового материала (рописи, грамоты, указы), имеющего сфрагистические памятники;

4) охарактеризованы сфрагистические и геральдические памятники Восточной Сибири середины XVII - начала XX вв.;

5) выявлен генезис и расшифрована смысловая нагрузка символических изображений старинных печатей и гербов;

6) рассмотрен вопрос герботворчества городов Восточной Сибири, впервые представлена его широкая панорама;

7) определены роль и место исторической территориальной символики в общеисторическом процессе Восточной Сибири, в государственной политике и местном управлении.

Хронологические рамки. Представляется оправданным рассмотрение истории символики Восточной Сибири со времени ее возникновения — XVII в. - и вплоть до окончания существования Российской империи. Обращение в исследовании к столь обширному хронологическому периоду связано как с малоизученностью проблемы, так и с попыткой создания более полной картины возникновения, развития и жизнедеятельности сибирской символики, с выделением наиболее важных периодов ее существования.

Территориально диссертация определяется Восточной Сибирью. Земельная символика и процесс сибирского герботворчества рассматриваются в ней в системе основных итогов исторического развития острогов и городов, в едином контексте с историческими изменениями ее территорий. Еще в первой четверти XIX в. вице-губернатор Иркутска Н.В. Семивский поднял вопрос о точном значении этого географического понятия и «о разделении Сибири на Восточную и Западную». Отождествляя Восточную Сибирь и Иркутскую губернию, как образец, автор приводит «новейшую карту» Восточной Сибири, «сочиненную» в 1816 г., где западная граница ее территории проходит по Ангаре, Енисею, включает окрестности Красноярска, Енисейска и даже Туруханска. Официальное разделение Сибири на два генерал-губернаторства - Западносибирское (с центром в Тобольске) и Восточносибирское (с цен-

тром в Иркутске) - было осуществлено в 1822 г. по реформе сибирского генерал-губернатора М.М. Сперанского.

В современном географическом отношении в это понятие входит обширная территория от берегов Енисея до хребтов Тихоокеанского водораздела, уникальная по своим физико-географическим характеристикам и историческому развитию. В пределах Восточной Сибири ныне расположены республики Саха, Тыва, Бурятия, Красноярский край, Иркутская и Читинская области.

Методологическая основа диссертации. В основу работы положены принципы:

- историзма, позволяющего рассматривать факты, явления и процессы во взаимосвязи и развитии;
- объективности, требующего непредвзятой оценки исторических фактов и стремящего установить научную истину.

Среди используемых методов отмечаем:

- поисковый - разыскание и отбор материала;
- хронологический, позволяющий определить последовательность событий, отразивших историю символики;
- комплексный, позволяющий опираться на совокупность источниковедческого материала;
- сравнительно-исторический, дающий возможность сопоставить факты и события, выделить их сходство и особенности;
- аналитический, позволяющий раскрыть суть темы и провести обобщение материала.

Практическая значимость исследования. С 1997 г. монография автора диссертации «Летящий из глубины веков» (М; Чита, 1997), посвященная истории сибирской символики, используется в курсах отечественной истории, вспомогательных исторических дисциплин, теории истории культуры в высших и средних учебных заведениях Забайкалья. Ее материалы использовались для создания региональных обобщающих трудов последних лет: «Энциклопедии Забайкалья. Т. 1-2» (Новосибирск, 2000 - 2003), книги «Чита. Город во времени» (Новосибирск, 2001).

Материалы исследований были использованы администрацией г. Читы и Читинской городской Думой при утверждении герба Читы (1994 г.), а также при проведении областного конкурса на разработку герба и флага Читинской области (1995-1996 гг.). Автором исследований было принято участие в работе областной комиссии по символике Читинской области (ответственный секретарь комиссии и член жюри), а также в создании Закона Читинской области «О гербе и флаге Читинской области» в первой (23 ноября 1995 г.) и второй редакции (21 декабря 1995 г.). Материалы играют практическую роль в создании символики муниципальных образований Читинской области. На результатах настоящего исследования к законодательным актам об утверждении герба города Читы, символики Читинской области, символики муници-

пального образования «Забайкальский район», а также герба города Нерчинска автором диссертации выполнено историческое обоснование.

Практическая значимость диссертации обозначена в настоятельной рекомендации по использованию ее данных при подготовке обобщающих работ по истории символики и геральдики Российской империи, Восточной Сибири и Забайкалья, разработке семинарских занятий, спецкурсов в курсе краеведения, в музейных экспозициях.

Апробация работы. Материалы исследования были апробированы:

- на городской исторической научно-практической конференции: «Чита. Год основания» (Чита. Январь, 1993 г.);

- на региональной научно-практической конференции «Проблемы комплексного изучения человека. Человек в условиях Забайкалья» (Чита. Ноябрь - декабрь, 1994 г.);

- на региональной научно-практической конференции «К 115-летию Нерчинского краеведческого музея и 150-летию г. Читы и Забайкальской области» (Чита, Нерчинск. Сентябрь, 2001г.).

По теме диссертации опубликовано 19 работ.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, примечания, куда входят списки сокращений, источников и литературы и приложения в виде семи таблиц. При хронологическом и территориальном порядке глав, внутри параграфов расположение от общего к частному.

Основное содержание работы

Во **Введении** обоснована актуальность темы диссертации, определены предмет и объект исследования, цели и задачи, методология, раскрыта научная новизна исследования, апробация темы.

Глава 1. Источниковедение и историография сфрагистики и геральдики Восточной Сибири. Центр изучаемой проблемы в исследовании сфокусирован как на анализе письменных источников, так и на изучении памятников сибирской сфрагистики и геральдики. К последним относятся оттиски территориальных печатей и изображения гербов, а также матрицы печатей, дошедшие до современности.

В основу диссертации положены сведения, полученные в результате изучения круга редких источников, выявленных в документах Государственного архива Читинской области (ГАЧО), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного исторического архива (РГИА), С-Петербургского филиала Российской академии наук (ПФА РАН), Государственного архива Иркутской области (ГАИО), Государственного архива Новосибирской области (ГАНО), Российской национальной библиотеки (РНБ). Сфрагистические памятники были изучены в фондах Читинского областного крае-

ведческого музея им. А.К. Кузнецова, Нерчинско-Заводского краеведческого музея, Новосибирского областного краеведческого музея и других учреждений.

Дела Государственного архива Читинской области, несущие в себе информацию по истории забайкальской сфрагистике и геральдике, относятся к нескольким фондам. Прежде всего, это фонд «Нерчинская воеводская канцелярия» (№ 10), включающий документы, которые заверяют редкие, но достаточно хорошо сохранившиеся сфрагистические материалы с зооморфными изображениями, позволяющие реконструировать властные структуры Нерчинского воеводства. В их числе «Приходные» и «Расходные» книги по перевозкам различного провианта и промышленных товаров Нерчинской воеводской канцелярии середины и второй половины XVIII в.

Фонды №№ 159 (Нерчинский городничий), 266 (Доронинское уездное казначейство), №№ 234 и 272 располагают документами Нерчинского и Сретенского уездных казначейств, источники которых несут на себе символы главных забайкальских городов Нерчинска, Сретенска и Доронинска. Персонифицирующая информация хранится на источниках фондов № 29 (Урульгинская степная Дума), № 31 (Нерчинское горное правление), № 282 (Церкви Забайкальской области), № 300 (Начальник эвенкийских родов) и других фондов архива и позволяет идентифицировать сфрагистический материал по владельцам печатей. Фонд № 30 (Восковое хозяйственное правление) является хранителем материала забайкальской воинской символики.

Фонд № 75 включает документы переписки Военного губернатора Забайкальской области и городских управ городов Троицкосавска и Селенгинска по утверждению и введению в производство городских гербов этих городов, а фонды №№ 21 (Забайкальской области по городским делам присутствия) и 226 - документы Читинской городской Думы конца XIX - начала XX вв. по утверждению герба Забайкальской области и г. Читы. В 21 фонде выявлено дело о переписке Городского головы г. Читы и Военного губернатора Забайкальской области о представлении на обсуждение Читинской городской Думы проекта герба г. Читы. Дела указанного фонда располагают обширной перепиской канцелярий Забайкальской области, Иркутского генерал-губернаторства и Приамурского генерал-губернаторства по проекту создания и утверждения некоторых гербов городов Забайкальской области: Нерчинска, Баргузинска, Акши, Троицкосавска, Селенгинска, Верхнеудинска, Мысовска, а также г. Петропавловска Камчатской области.

Основная группа документов, послужившая источниковой базой при изучении старинных печатей Восточной Сибири, хранится в РГАДА. Наиболее представлен фонд II отделения Московского архива Министрства юстиции (Грамоты коллегии экономии, ф. 281). Грамоты, заверенные печатями основного звена местного управления России, учтены в рукописных книгах «Описи грамотам уездов Российской империи

XVII-XVIII вв. - Ч. 1-9». В них предпринята попытка библиографирования не только самих грамот на выделение монастырских земель, но и описаний объектов, заверяющих акты (автографы воевод или других администраторов, печати городов и острогов). К сожалению, в «Описях» отсутствуют акты по Албазинскому и Нерчинскому уездам XVII столетия, Селенгинскому уезду XVIII в. и другим территориальным единицам Восточной Сибири. По документам архива изучена следующая группа документов: древние «Росписи» и реестры государственных сибирских территориальных печатей 1656 и 1692 гг., а также «Роспись», датированная 1698 - 1701 гг. (ф. 181). Рукопись «Росписи», хранящейся в РНБ (Собрание Эрмитажа), обозначена в исследовании как «Роспись» по Ремезову.

В ПФ РАН документы фонда «Портфели Миллера» являются более поздними копиями. Территориальные сибирские печати XVIII в., в частности г. Тобольска, в очень хорошей сохранности обнаружены в фонде № 21.

Документы РГИА (ф.ф. №№ 1343; 1411) дают возможность распутать геральдический казус гербов Забайкальской области и г. Читы в связи с идентичностью изображений обоих объектов в ПСЗ-2, а также исследовать гербы городов Селенгинска и Троицкосавска.

Исключительно важным для понимания принципов подхода царского правительства к территориальной символике явилось выявление нормативных актов: царских грамот, отписок, наказов, указов, положений, докладов Сената и других официальных документов по данному вопросу, включенных в «Сибирскую библиографию» В.И. Межова [т. 1-3, 1891-1895].

В качестве необходимого источника в исследовании результатов сибирских сфрагистических и геральдических памятников следует назвать тома первого и второго изданий ПСЗ, в которых кроме правительственных актов по исследуемой теме опубликованы описания (без пояснения) гербов Восточной Сибири XVIII и XIX вв., а также изданные Археографической комиссией «Акты исторические» (тт. IV-V), собранные Г.Ф. Миллером в 1733-1743 гг. Важным для исследования является IV т. «Актов», где опубликована «Роспись печатям сибирских городов», дающая точную датировку государственных территориальных печатей Сибири (1656 г.).

Дополнительным источником является «Сборник снимков с древних печатей...», собранных директором Архива Министерства юстиции П.И. Ивановым [1858]. Немаловажная работа была проведена комиссией печатания государственных грамот в 1880 г., в результате чего было опубликовано 126 сфрагистических копий, которые являются первичным источником для большинства последующих изображений в исследованиях дореволюционных и советских авторов.

Источниковедческое по характеру исследование А.Х. ЭлERTA включает перевод ряда рукописей Г.Ф. Миллера на русский язык [1990].

Атрибутирование и анализ материалов исследователя в «Географическом описании» Нерчинского уезда Иркутской провинции 1739 г. позволяют уточнить некоторые спорные вопросы истории освоения русскими Сибири (даты основания населенных пунктов, управление уезда).

Среди изданных источников использованы документы, включенные в сборник «Русско-китайские отношения» [т. 1-2, 1969, 1972], а также солидный справочный аппарат сборника, подготовленный под руководством В.С. Мясникова - «Комментарии к статейному списку Ф.А. Головина».

Другой большой группой источников, являются топографические описания Сибири XVIII в. Впервые они проанализированы в работе «Топографические описания и карты сибирских наместничеств 1783—1794 гг.» [Андреев, 1950]. Он указал на существование и степень полноты двух списков: публикации в «Древней Российской Вивлиофике» 1791 г. и архивного списка 1792 г.

Несмотря на то что существует ряд работ, косвенно касающихся определенного исторического аспекта сибирской сфрагистики и геральдики, в отличие от русских европейских городов территориальная символика Восточной Сибири не была удостоена специального изучения. Исключение составляет печать (матрица) Албазинского острога 1882 г. [Тройницкий, 1915; Г.С. Новиков-Даурский, 1953; А.Р. Артемьев, 1989, 1995, 1999].

Историю символики Восточной Сибири можно рассматривать только в контексте истории России. В исследовании, главным образом, были использованы общероссийские основополагающие труды по сфрагистике и геральдике дореволюционных, зарубежных и советских историков. История русской геральдики в связи с вниманием к ней правительственных структур стала привлекать внимание исследователей со второй половины XIX в. Справочник И.Х. Гаттерера [1805] не только практически не касался отечественного герботворчества, но и уже значительно устарел к тому времени. Среди отечественных исследований остаются основополагающими труды А.Б. Лакиера [1885], П.П. Винклера [1900], Ю.В. Арсеньева [1908]. С определением этапов развития российского герботворчества В.К. Лукомского и Н.А. Типольта [1915] можно согласиться, за исключением их оценки геральдической ситуации в годы царствования Екатерины II, поскольку в истории символики Восточной Сибири правительственные акты этого периода заслуживают большего внимания и относятся, на наш взгляд, к одному из этапов развития сибирского герботворчества.

В 1912-1913 гг. В. Белинский предпринял попытку выпуска в свет «Русского геральдического словаря», являющегося первым опытом создания малой энциклопедии по истории русской геральдики.

Крупнейший исследователь средневековой русской сфрагистики - Н.П. Лихачев [1928-1930], являющийся первопроходцем в осмыслении и атрибутировании актового материала, вплотную подошедший к соз-

данию системы, отражающей реальные отношения между институтами власти, регалиями которых являлись печати. Существенное внимание изучаемому вопросу уделил в 1940-е гг. в археолог А.В. Арциховский [1946].

1960-1980-е гг. отмечены новым интересом к истокам общероссийской и региональной символики [Каменцева, Устюгов, 1963; Демидова, 1965, 1966, 1970; Сперансов, 1974]. Одними из необходимых в изучении символики России работ считаются монографии Н.А. Соболевой [1981» 1985]. Докторская диссертация ученого является первым опытом постановки в широком плане вопросов отечественного государственного гербоведения с момента его создания (1722 г.) и остается на сегодняшний день крупным исследованием по истории земельной символике России. Показ роли герботворчества в становлении русского централизованного государства явился основной задачей диссертационной работы А.А. Ураносова, который первым из отечественных историков выделил в особую группу территориальные печати сибирских городов, проследил краткую эволюцию и описал некоторые из них [1952]. Квинтэссенция исследования - древний характер основной массы русских территориальных печатей и гербов. Исследователем подвергнуты резкой критике и характеризуются как «серьезные методологические пороки» взгляды на природу русской символики ученого-нумизмата А.В. Орешникова и Н.П. Лихачева «о случайном характере русских печатей и гербов, рассматриваемых в плане заимствования из Византии и Западной Европы». Изучение этого вопроса на наш взгляд все еще стоит на повестке дня, но исследования последнего времени возвращают его к точке зрения А.А. Ураносова [Силаев, 2003].

С начала 2000-х гг. изучение сфрагистики и геральдики России вступает в новую фазу [Склизкова, 2000; Силаев, 2003].

Научный интерес последних лет к проблематике отечественной сфрагистики и геральдики подтверждают диссертационные исследования как общегосударственного, так и регионального направления [Бакрадзе, 1990; Белецкий, 1993; Борисов, 1987; Вилинбахов, 1983; Кузнецов, 1997; Курбанов, 1990; Лавренев, 2000; Поцелуев, 1977; Соболева, 1981; Щербаков, 1986].

К особой группе историографических источников относится литература, посвященная опознавательным эмблемам родовой символики Сибири. По мнению Ю.В. Арсеньева, одним из первых в дореволюционной историографии обратившемуся к данному предмету исследования, тамги являют собой родовую принадлежность в отличие от тавра, знака собственности монгольских кочевых народов. В работе В.А. Михайлова [1993] тамги адон-чалонцев представляют материал не только личной, но и родовой территориальной символики. Исследование автора по региону Адон-Челона (Борзинский район Читинской области) раскрывает его как крупный культурный центр, вокруг которого консолидировалось население восьми агинских родов. Это обстоятельство

стало одним из условий сохранения и возрождения народных традиций. Вообще же тамги монголов и ойратов стали достоянием европейской науки в конце XIX в. Большой вклад в эту область этнокультуры азиатских народов внес сибирский краевед П.П. Хороших [1929,]. Родовыми символическими знаками интересовались географ Г.Н. Потанин [1881], китаевед Н.Я. Бичурин [1959].

В процессе исследования была использована научная историография, не касающаяся непосредственно вопросов сфрагистики и гербоведения, но освещающая историю обширной восточной территории России, процесс ее хозяйственного освоения, а также процесс постепенного превращения острожных поселений в города. Крупным исследователем русского сибирского города является Д.Я. Резун [1977, 1991, 1994], дающий в ряде работ аналитическую оценку взглядам на историю возникновения и развития сибирских городов XVII - XVIII вв. В этом же ключе представлен коллективный сборник «Историография городов Сибири конца XVI - начала XX века» [1984]. Достоинством работ В.В. Воробьева [1959] и В.И. Кочадамова [1973] является показ объективного процесса политического и хозяйственно-экономического становления сибирских городов.

Главной целью монографии А.Р. Артемьева является выявление и изучение основных этапов урбанизационных процессов в Забайкалье и Приамурье с середины XVII до конца XVIII вв., обоснование дат и условий возведения первых поселений, определение функций городов и острогов и выявление среди них тех главных функций, наличие которых было для российского правительства решающим аргументом для придания им официального статуса города. Эти функции имеют немало важное значение для обоснования утверждения первых городских гербов, как части материальной культуры городских поселений Восточной Сибири и Дальнего Востока, олицетворяющих основы государственности в только недавно обжитых землях. Этим характерен период нового территориально-административного деления России и правительственного интереса к гербоведению, результатом которого явился Высочайший указ Екатерины II о присвоении ряду городов восточной окраины империи земельных гербов.

Геральдическая история Кяхты-Троицкосавска, рассмотренная в диссертации, имеет свои особенности и противоречия. Второй том «Истории Сибири» [1968] в числе других острожных поселений развивает тему ее становления. Что же касается фундаментального пятитомного труда в целом, то в нем, при всей его значимости, не уделено внимания развитию сибирского герботворчества.

Значимым в изучении отдельных городов Восточной Сибири явился сборник «Нерчинское Забайкалье» [2003], созданный на документах ГАЧО и посвященный историческому становлению г. Нерчинска как центра Нерчинского воеводства XVII-XVIII вв.

Первые городские поселения Крайнего Севера, имеющие свои официальные символы на городских печатях и гербах, были расположены на территории, в значительной степени обособленной от остальной территории Восточной Сибири. Малоизученность состава их населения, фортификационных функций, топографии, условий и хронологии возникновения создала определенные трудности при изучении данной темы. Некоторые города вообще исчезли с лица земли или поменяли свой топоним, что породило официальную геральдическую путаницу для последующих исследователей XVIII-XIX вв., иногда повторяющих ошибки друг друга. Результатом работы ученых (архитекторов и археологов) СО РАН во главе с А.П. Окладниковым явилось исследование, посвященное городу Зашиверску [1977]. .

Немалое значение в осмыслении восточносибирской символики имеет фрагментарная фактография дореволюционных исторических описаний и летописей [Котошихин, 1840; Семивский, 1817; Пежемский, Кротов, 1911]. Неоценимым вкладом в российскую науку явилось факсимильное издание «Чертежной книги Сибири» СУ Ремезова [2003]. Ряд исследований дореволюционных ученых способствовал поиску генезиса сибирской символики, его сопоставлениям с условиями реалий исторического развития территории [Дурново, 1902; Егоров, 1915; Снегосорева, 1902; Лихачев Д.С., 1956].

Последнюю группу историографических; источников представляют исследования по символике Восточной Сибири регионального уровня [Дулов, 1994; Кошелев, 1997; Куренная., 1994, 1995, 1997, 2001, 2003]. Кроме того, на протяжении ряда лет статьи популярного характера имели место практически во всей периодической печати региона. Так, территориальная символика Иркутска, в силу своей уникальности, не однажды привлекала к себе внимание современной региональной прессы.

Глава 2. Территориальная сфрагистика Восточной Сибири середины XVII - конца XVII вв. посвящена описанию и анализу сфрагистического материала, главным образом территориальным печатям городов и острогов, исследован генезис символических изображений.

В параграфе 2.1. дана характеристика правительственных актов, органов центрального управления и административно-территориального деления Сибири, показана роль государства в формировании и развитии сибирской территориальной сфрагистики. Как начальный этап централизации государственного управления, в конце XVI в. был создан Печатный приказ, ведающий созданием, хранением, «прикладыванием» государственных печатей и сбором печатных пошлин.

При любом административном делении Восточной Сибири, органы сословно-представительского управления русского населения находились в зачаточном состоянии, и в руках сибирских воевод оказалось сосредоточенной вся полнота власти. Атрибутами государственной власти на местах являлись территориальные (городские) печати, которые

вместе с городскими ключами, денежными средствами, инструкциями, бумагой, пушками и нарядом служилых людей шли в наказах сибирских воевод.

Основная масса территориальных печатей Сибири была создана во второй четверти XVII в., когда были построены главные города-остроги, и из сибирского региона начался интенсивный вывоз пушнины. Для упорядочивания вывоза, таможенных сборов и пресечения разграбления стратегического сырья, в Верхотурском остроге, основанном в 1598 г., была создана заставная таможня, играющая роль важного транзитного пункта на пути из Сибири в Европейскую Россию. На наш взгляд, в XVII в. являются тождественными понятия городская печать и таможенная печать. Об этом убедительно говорят исследуемые источники: царские грамоты, указы, реестры и «Росписи» сибирских печатей. Более того, эмблемы сибирских таможенных печатей в дальнейшем явились символикой ряда будущих гербов сибирских городов.

Параграф 2.2. посвящен характеристике сфрагистического материала Нерчинского воеводства (1655-1783 г.). До середины 1780-х гг. Нерчинск был первым и единственным городом Восточного Забайкалья, военно-административным центром пограничного воеводства. С 1677 г., когда Енисейск получил статус «провинциального города над всеми иркутскими, селенгинскими и нерчинскими землями», Нерчинск подчинен Енисейску. С 1689 г. город вновь подчиняется Сибирскому приказу, с образованием Сибирской губернии (1709-1710 гг.) непосредственно сибирскому губернатору, а с 1722 г. Иркутской провинциальной канцелярии.

В Нерчинском воеводстве активное использование городских печатей начинается с конца XVII и первой четверти XVIII вв. Основными тенденциями в управлении страной в это время были централизация и усиление царской власти на местах. Для каждого города, в том числе и на отдаленной территории Восточной Сибири, устанавливается имеющая юридическую силу печать с определенной эмблематикой. В частности для Нерчинского воеводства был установлен сфрагистический символ, имеющий несколько вариаций в виде одноглавого летящего орла, держащего лук тетивой вниз.

Для Иркутска в 1694-1696 гг. были установлены печати, изображающие бабра, несущего в зубах соболя. После установления Иркутского наместничества в 1782 г. печать с наместническим иркутским гербом стала региональной территориальной эмблемой, распространявшаяся на все населенные пункты наместничества от берегов Байкала до Тихого океана. Печати с бабром заверяют различные документы Нерчинского воеводства и Нерчинской области. Местные учреждения Восточного Забайкалья также использовали на печатях иркутский территориальный символ.

Среди источников выявлен указ Екатерины I «О сделании гербовой печати в Нерчинской и Иркутской провинции...» 1728 г. Государственной гербовой печатью с двуглавым орлом заверена значительная

часть источников различных ведомств Нерчинском воеводской канцелярии середины XVIII в. Каждая печать имеет вырезку по окружности, соответствующую региональному учреждению. Пример: «Печать Ея императорского величества читинского острога» (1744 г.).

Вывод следующий: в делопроизводстве Нерчинского воеводства применялось несколько видов прикладных печатей: восковых, воскомасточных, копченых и сургучных. По типам они делятся на печати персонафицированные, воинских подразделений, учреждений и территориальные, последние из которых являются печатями основного звена местного управления. Территориальные печати отличает разнообразие видовых изображений. Общим для них является наличие центрального изображения с вырезкой по окружности.

Параграф 2.3. В данном параграфе охарактеризованы печати городов Восточной Сибири - Мангазеи (Туруханска), Енисейска, Красноярска, Илимска, Якутска, Иркутска, Нерчинска и Албазина, связанных в последней четверти XVII в. единым административно-территориальным делением. Так, в 1683 г. все восточносибирские уезды - Якутский, Иркутский, Илимский, Нерчинский и выделенный из него Албазинский - со стратегическими целями были объединены в Енисейский разряд и «отдавались в ведение енисейского воеводы. Печати рассмотрены в хронологии возникновения означенных выше городов. Внутренняя систематизация соответствует принципу от общего к частному: обоснование символики в свете исторического развития населенного пункта, характеристика печатей по источникам («Росписям»), фиксирование сохранившихся печатей на исторических документах.

Несколько в ином русле дана характеристика печати Албазинского острога, поскольку ко времени массового утверждения печатей сибирских городов Албазинская крепость только входила в фазу острожного становления. В последующих «Росписях» (по Ремезову и 1692 г.) Албазина, как населенного пункта, уже не существовало.

Параграф 2.4. посвящен генезису и основным признакам символов территориальных печатей Восточной Сибири. В первую очередь рисунки печатей, игравших роль товарных клейм, несли, главным образом, функциональное назначение. «Мягкая рухлядь», другие товары и грамоты запечатывались печатью-клеймом с изображением-символом соответствующего административного пункта, от которого исходило разрешение на вывоз товара из Сибири. Наличием печатей с легко запоминающимися образами лесных сибирских зверей происходил скорый визуальный обмен информацией и таким образом облегчался тщательный таможенный досмотр.

Генезис зооформизма сибирских печатей исследован на примере средневековья, пронизавшего мир сложной символикой и связавшего ее в единую априорную систему. В результате, выразив внешним зооформным символом скрытое содержание явлений реальной жизни

данной территории, человек обозначил этим значение данного символа. Он использовал знаки, которыми определил жизненноважные явления своего существования.

В каждом историческом периоде развития человечества рождаются свои знаково-образные системы. Но в каждой культуре одни и те же символы нередко имеют свои значения. В этом плане несколько особняком стоит символика стрелы и лука, не имеющая скрытого смысла. Вероятней всего, на сибирских печатях в ней запечатлено содержание известного международного образа - готовности к войне и отражению неприятеля. Это естественно, поскольку стремление России к освоению «свободного» пространства, продвижению дальше на север и восток Сибири, а также способность удержать завоеванные территории и охраны границ сыграли главную роль в утверждении лука и стрелы в качестве геральдических символов первых сибирских городов. В то же время положение лука на рисунках печатей Албазина, Нерчинска, Енисейска и Сибирской губернии говорит о мирном намерении как внешней, так и внутренней сибирской политики российского государства.

Из общего ряда жизнеспособных образов сибирских печатей резко выделяется популярное мифическое существо - единорог на печати Красноярского острога, лев на гербе Красноярска. Восьмилучевая звезда на печати Илимска объективно рождает ассоциацию опорного образа, которым в данном случае служит икона Богородицы. Н.П. Лихачев первым в историографии русской сфрагистики вынес на обсуждение символическое значение Божьей Матери. Данные исследований тридцати двух печатей «С изображением богородицы» в его монографии «Молитвенные греческого Востока», подготовленной к выходу в свет АН СССР, иллюстрируют результат продолжительных наблюдений и основной вывод ученого, что изображение Богородицы «традиционно для сфрагистических регалий лиц, связанных в правовом отношении с церковью».

Рассмотренные сфрагистические материалы наглядно доказали начало эпохи сибирской сфрагистики и в последующем ее развитии - геральдики. Они указали на формирование и существование в регионе территориальной печати, в которой ее эмблематика выражена зооморфным изображением, главным образом пушных зверей как символа Восточной Сибири - центра пушного промысла Русского государства. Основным признаком другого ряда сибирских сфрагистических образов является как религиозно-мифологическая основа русской православной культуры, так и знаковость высшей государственной власти.

Глава 3. Территориальная символика Восточной Сибири конца XVII - второй половины XIX вв.

В параграфе 3.1. уделено отдельное внимание символическому образу одноглавого орла, который приобретал немаловажное значение на печатях главных городов Восточной Сибири - Иркутска, Якутска, Албазина и Нерчинска. Здесь однозначное стремление поиска только

русских национальных корней символа подлежит сомнению. Длительное использование символики птиц коренными народами Восточной Сибири подтверждает их первостепенную жизненную и мировоззренческую роль. Однако здесь необходимы исторические параллели с двуглавым орлом - важнейшей частью российского государственного герба. Символику орлов можно рассматривать как инсигнию государственной власти на печатях сибирских острогов и городов XVII в. Подобное значение имеет корона на печати Томска, единорог на печати Красноярска, лев на гербах Красноярска и губернии - образное воплощение в символах идеи русской государственности на приобретенных территориях.

Первые сведения о печати «Даурских острогов на Нерчинской» находим в «Росписи государевым царевым ...» - рукописи «Служебной чертежной книге» С.У. Ремезова. Здесь дано изображение печати без описания, но рисунок идентичен следующей «Росписи» 1692 г.: «На Даурской, Нерчинской: Орел одноглавый держит лук вниз тетивою, кругом написано: печать Государева Сибирския земли Даурских острогов», Рисунок с печати, сделанный С.У. Ремезовым, изображает птицу, обращенную в левую геральдическую сторону, стоящую на земле с поднятыми крыльями и с поднятой кверху левой ногой, в которой держит лук тетивою вниз. Однако в XVIII в. этот рисунок был изменен, и на прикладных печатях документов Нерчинского воеводства он изображает уже летящего орла, оборачивающегося назад.

Способности и талант резчиков печати в создании круглых сибирских государственных миниатюр XVII-XVIII столетий несомненны. Несомненно и то, что на азиатский континент резчиком нерчинской печати был привнесен мотив русского бытия, в частности - древнейший элемент буквенной вязи в заставках русской книги. Так, в буквицу очень часто включали зооморфный орнамент в виде сказочной птицы с подобным поворотом головы и идентичным положением крыльев.

В то же время изображение величественной птицы на древних печатях не только символично, но и имеет исторические параллели и закономерности. Здесь мы наблюдаем совпадение, связывающее византийский образ орла с мировоззренческими символами древних славян и магическими формулами сибирских аборигенов. Символ орла - один из лидирующих геральдических образов международной символики.

В параграфе 3.2. дана историографическая характеристика (генезис и характер) зооморфизма бабра в печатях и гербах г. Иркутска и Иркутской губернии XVIII-XIX вв. на первой печати Иркутска, согласно рукописи «Росписи» С.У. Ремезова, был изображен орел, держащий лук тетивою вниз. В 1694 г. Иркутск получил новую печать с изображением бабра. Первый документ, обнаруженный в фондах РГАДА, заверенный новой собственной печатью Иркутска, датируется 1696 г. Необычным в истории сибирской сфрагистики выглядит тот факт, что первоначально фигура бабра и барса возникла на ленских печатях 1656 г. Но спустя сорок лет главные города восточных окраин России Иркутск и Якутск

«обменялись» эмблемами печатей. Смена сфрагистических символов Иркутска и Якутска произошла по той причине, что к концу столетия быстро начало возрастать значение Иркутска, как важного административного и торгового пункта Сибири. Опираясь на данные исследователей сфрагистических памятников центра Руси: печати-матрицы с изображением барса использовались в делопроизводстве псковской администрации XVI-XVII вв. Но, несмотря на то, что традиционный русский сфрагистический материал продолжал вписываться в исторический контекст новых сибирских городов и расширять свои территориальные границы, сибирский бабр имеет самостоятельную основу.

В 1790 г. как губернскому наместническому городу Иркутску был пожалован герб: «В серебряном поле щита бегущий бабр, а в роту у него соболь», породивший в дальнейшем законодательный герботворческий казус 1878 г., имеющий и более раннюю историю в гербах городов Селенгинска и Троицкосавска, подчиненных Иркутской губернии в первой половине XIX в. В сибирской историографии автором выявлены и проанализированы данные о неоднократном обсуждении символики образа, бабра.

В параграфе 3.3. дана характеристика символики городов Иркутской губернии (1777 г.), Тобольского наместничества (1785 г.), Иркутского наместничества (1790 г.), Енисейской губернии XIX в.

Вторая половина XVIII в. в исторической литературе характеризуется как время абсолютизации государственной власти, реформ в местном управлении и изменения территориальной структуры государства. В связи с реформами Екатерина II уделяла особое внимание городскому законодательству. О своем внимании к городам императрица заявила еще в 1766 г., когда составляла новый сборник российских законов, так называемый Наказ (Большой), вышедший первым изданием в Москве в 1767 г. XVIII глава в нем сообщала о том, что о российских городах необходимо издать общий закон. Первым актом внимания правительства императрицы к сибирским городам был «Высочайше утвержденный доклад Сената, с приложением гербов городов Иркутской губернии» от 13 марта 1777 г. Герольдмейстерской конторой были отдельно составлены гербы для городов Балаганска, Алданска и Усть-Киренска, которые продолжили эпоху сибирской геральдики XVIII в.

В 1782-1783 гг., в Сибири был распространен указ «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи». При введении нового административно-территориального деления России в Сибири были учреждены Тобольское и Иркутское наместничества. За указом об образовании каждого наместничества следом выходил правительственный указ о составлении гербов, предназначенных уже учрежденным ранее или новым городам наместничества.

Указом от 17 марта 1785 г. городских гербов были удостоены Ачинск, Енисейск и Туруханск. Указом от 26 октября 1790 г. был опубликован Высочайше утвержденный доклад Сената о гербах городов Ир-

кутского наместничества. К этому времени в российской геральдике оставалось в силе правило, по которому в гербах уездных городов помещается часть или весь наместнический (губернский) герб. Так было изготовлено тринадцать из семнадцати гербов городов Иркутского наместничества. В докладе Сената указывалось, что старые эмблемы допетровской эпохи составляли исключение и были оставлены Герольдмейстерской конторой неприкосновенными. Речь идет об эмблемах на территориальных печатях, введенных законодательством Руси в царствование Алексея Михайловича. Из городов Иркутского наместничества примером тому служат гербы Иркутска, Нерчинска, Якутска, Олекминска.

Составители гербов обоих сибирских наместничеств стремились каждому рисунку и геральдическому знаку придать определенное смысловое значение с соответствующим описанием. Все символические образы привлекательны, достаточно наивны и объяснены в самом своем описании - редкий в русской геральдике факт.

Несколько особняком стоит символика Красноярска, имевшего в своей истории несколько гербов. Последний из них (указ от 5 июля 1878 г.), ставший гербом Енисейской губернии, послужил основой создания современной символики Красноярского края (Герб принят 12.02.1999 г.)

Глава 4. Территориальная символика Забайкальской области второй половины XIX - начала XX вв. В параграфе 4.1. основное внимание уделено рассмотрению практики западноевропейского герботворчества в гербе Забайкальской области (1859 г.), образованной указом Николая I в 1851 г. Это время характеризуется особым вниманием российской государственной политики к территориальным гербам. Она явилась системой правительственных мер, направленных на усиление централизации государственной власти и изменения в территориальном устройстве российской державы. По мнению В.К. Лукомского, «с воцарением императора Александра II наступил третий фазис в развитии русской геральдики». Герб Забайкальской области был создан по новым правилам Б.В. Кене. Согласно источникам, проект просматривал министр юстиции России граф В.Н. Панин, курировавший геральдическое производство России. Подпись Кене, немца по происхождению, говорит о том, как во времена его деятельности в русской геральдике применялась практика западноевропейского герботворчества. Во вновь создаваемый герб Забайкальской области Кене ввел элемент древнего герба Мекленбурга - исторической области на северо-востоке Германии, одной из центральных фигур которого является бык или буйвол.

Однако было бы, по крайней мере, некорректно обозначать лишь мекленбургские корни герба Забайкальской области и только его западноевропейский генезис. А.Б. Лакиер существенно различает природу древней символики славян и германцев. Если, по его мнению, славянская родо-территориальная символика была призвана обеспечить многочисленной общине магическую защиту и применяла для этой цели сакральные знаки и символы духовности, то у германцев решающую роль

играла непохожесть каждого родового знака на все остальные. Более того, в исторической литературе уже существует точка зрения о том, что мекленбургские гербы опровергают представление о сплошной и быстрой колонизации немцами славянской окраины. Так, медиевист Д.Н. Егоров приходит к убеждению, что на протяжении веков символы древних славян являются настоящим источником доказательств их влияния на происхождение немецких гербов.

В конечном итоге, символика герба Забайкальской области представляет сочетание знакового отражения практики западноевропейского герботворчества и исторических реалий только что организованной административно-территориальной единицы Восточной Сибири середины XIX в.

Параграф 4.2. представляет хронику законодательных мер в утверждении герба областного города Читы (1859 г., 1913 г.), проект которого в Департаменте Герольдии разрабатывался одновременно с гербом Забайкальской области. Оба герба имели абсолютно идентичные щиты, но различные внешние детали (намет), соответствующие территориально-административному статусу области и города. 21 января 1858 г. Министру юстиции одновременно были поданы представления на проект гербов Забайкальской области и самого областного города Читы. Указание графа Панина - увенчать щит герба г. Читы «золотою башенною короной от трех зубцах» и окружить герб «двумя золотыми колосьями, соединенными Александровскою лентою» - по ряду причин выполнено не было. Герб Читы утвердили (12.08. 1859) спустя четыре месяца после утверждения герба Забайкальской области (12.04. 1859), но он ничем, даже внешними деталями, не отличался от областного герба. Поэтому город буквально до 1920-х гг. пользовался геральдической эмблемой с символами области.

Несколько лет длилась переписка между канцелярией Приамурского генерал-губернатора и Иркутского генерал-губернатора (с 1884 г. Забайкальская область входила в состав Приамурского генерал-губернаторства, а с 1906 г. была отнесена к Иркутскому). Только в 1913 г. Военный губернатор Забайкальской области получил особое предписание, в котором сообщалось, что 22 марта 1911 г. Правительствующий Сенат, заслушав представление, определил герольдмейстерству Департамента Герольдии сделать распоряжение об изготовлении проектов гербов Читы и Мысовска и предоставить их на Высочайшее утверждение.

Повторно герб Читы (проект 1858) был Высочайше утвержден 26 апреля 1913 г. Николаем II. Его щит был полностью идентичен щиту герба Заб. обл., но намет соответствовал статусу города. Герб не получил воплощения в жизнь в связи с его малой пропагандой, империалистической войной и формационными изменениями 1917 г.

В *параграфе 4.3.* дана характеристика символа герба Кяхтинского градоначальства (1861 г.) и «вольной части» в проектах гербов городов

Верхнеудинска, Нерчинска, Селенгинска и Мысовска Забайкальской области.

11 июля 1852 г. в г. Троицкосавске торговой слободы Кяхта и Усть-Кяхта было учреждено градоначальство, непосредственно подчиненное генерал-губернатору Восточной Сибири и включенное в 1863 г. в состав Забайкальской области. 21 декабря 1861 г. был утвержден герб Кяхтинского градоначальства, составленный в Департаменте Герольдии Правительствующего Сената. Главным символом герба являлась «золотая оторванная голова дракона, с червлеными глазами и языком». Помещенные в сем рисунке эмблемы выражают торговое сношение Кяхтинского градоначальства с Китаем». На протяжении столетий существовал и слился в двух разных географических понятиях единый административный, экономический и культурный центр юга Забайкалья: два селения - Троицкосавск и Кяхта, возникшие практически одновременно из Кяхтинского форпоста и пограничной Троицкой крепости в 1727-1728 гг. на одной территории. Занимая единое географическое положение и подчиняясь единой административной системе, эти города имели в истории своего развития два официальных Высочайше утвержденных в разные годы и внешне различных герба. В то же время геральдические эмблемы Троицкосавска (рог изобилия) и Кяхты (голова дракона) тождественны по смыслу.

В русской геральдике дракон полностью отождествляется со змием, злыми силами, противостоящими Руси. Но расположенная на границе с Китаем Кяхта и осуществляющая с азиатским Востоком общероссийскую торговлю имела в своем гербе китайский символ, употребленный в возвышенном качестве. Так в иерархии китайских божеств дракон занимал третье место после земли и неба. Уникальный источник «История - Географическое описание Китайского государства», хранящийся в РГАДА и относящийся к 1608-1701 гг., дает описание печати цинских правителей: «А печать китайских богдойских ханов есть вышеупомянутый дракон крылатый змей. Тот дракон о четыре ноги, а на ногах по четыре кохтя, а на которые печать и на платьях ханских по шестца и по пять ногтей». На старом государственном гербе Китая также был изображен дракон.

Создание герба Кяхты, как и гербов Забайкальской области и ее центра Читы, относится ко второй половине XIX в., когда в России, усиленно несаждаемая правительством, полным ходом шла герботворческая деятельность Департамента Герольдии и реформа земельных гербов. Под эту реформу попали и новые проекты окружных городов Забайкальской области Нерчинска, Верхнеудинска и Селенгинска, которые в вольной части щита, согласно новым правилам, имели герб Забайкальской области.

Вольная часть щита - свободная часть без каких-либо геральдических знаков, в ней располагался прямоугольник, занимающий несколько менее первой части четверчастного деления, с гербом губернии или

области, к которой город принадлежит. Он помещался в новых гербах городов со второй четверти XIX столетия, на рубеже веков или несколько позже. Новую подобную структуру городского герба имеют лишь несколько российских городов.

Причиной пересмотра в Департаменте Герольдии давно узаконенных забайкальских гербов и изобретения новых явилась замена на щите наместнического герба губернским или областным, как символом административной власти, помещаемым в вольной части щита.

Так на практике осуществлялась геральдическая реформа России. Однако представленные в правительство новые проекты гербов Нерчинска, Селенгинска и Верхнеудинска утверждены не были. Более того, проекты забайкальских гербов не попали в списки правительственных указов, они не были известны на местах (достаточно вспомнить ответы городских Управ на запрос Военного губернатора Забайкальской области в 1911 г.). И все же реформа Б.В. Кене, несмотря на плохо разработанный механизм реализации, существенные ошибки и даже порожденные геральдические казусы оказала огромное влияние на развитие герботворчества восточно-сибирского региона. В действие были введены гербы Красноярской и Иркутской губерний, Забайкальской и Якутской областей, Кяхтинского градоначальства, городов Читы и Мысовска.

Герб города Мысовска утвердили в одном указе с гербами города Читы и Петропавловска Камчатской области. В данном случае герб Мысовска - яркий и единственный образец забайкальской символики, в котором на щите, наряду с собственным городским гербом - главенствующий областной герб (герб Забайкальской области) помещается не в верхней, как ранее, а в вольной части щита.

В Заключении сформулированы основные выводы диссертационного исследования. Территориальные печати XVII-XVIII вв. играли немаловажную роль в истории освоения русскими восточных рубежей России, на определенном историческом отрезке времени обретали то или иное правовое значение и представляли собой яркое явление отечественной культуры.

В Восточной Сибири возникновение территориальной символики, как и по Сибири в целом, относится к первой половине XVII в. Целью ее создания является придание правового статуса первым государственным острожным поселениям и городам, имеющим фортификационные, торгово-меновые и административные функции. И хотя российские территории (губернии, уезды, города, остроги) не наделялись реальным самоуправлением, на местах печати сохраняли на себе свидетельство принадлежности государственной юрисдикции (или ее части) тому или иному политическому институту.

К концу XVII в. территориальные печати были учреждены, за небольшим исключением, всем сибирским поселениям, получивших статус города. В отличие от европейских городов России, это было обусловлено объективной необходимостью, главным образом в торгово-

экономической сфере. Вывозу из Сибири стратегического российского сырья - пушнины, а впоследствии драгоценных металлов предшествовал ряд законодательных мероприятий по упорядочиванию работы таможен, в том числе употребления сибирских таможенных печатей и городских печатей в качестве товарных клейм. Подводя итог, можно говорить о том, что территориальные «Государевы сибирские печати» первично служили предметом правовой сферы таможенных органов, и только вторично явились свидетельством правовой сферы основного звена местного управления, многообразными знаками, удостоверяющими подлинность документов и придающих ему юридическую силу.

Изображения символов на территориальных печатях сибирских городов XVII столетия выстраиваются в стройную знаково-образную систему, фиксирующую истоки русского мировоззрения. Однако это мировоззрение не возникло на пустом месте, ключевым образом в данном случае служит славянская религиозная и мифологическая основа.

Важным, на взгляд автора, являлся поиск генезиса мифологических и зооморфных символов, и символов материальной культуры русского сибирского города. Среди геральдических зооморфизмов исследуемого региона выделяются наиболее распространенные образы - самые сильные среди зверей - лев и тигр (бабр) и самый сильный среди птиц - орел. В результате чего мы можем говорить, что часть символических образов земельной символики Восточной Сибири вторична. Эти образы «списаны» с царских и русских великокняжеских сфрагистических материалов и воплощены на печатях и гербах сибирских городов. Кроме того, мифологические символы (единорог, птица феникс, дракон) также подвергнуты анализу и представляют собой кристаллизацию исторической, внешнеполитической и внешнеэкономической канвы города. Эмблемы пушных зверей на сибирских печатях - это сплав образно-символического значения с физическими, реальными и жизнеспособными образами огромного земельного пространства.

В конце XVIII и на всем протяжении XIX вв. Герольдмейстерская контора и Департамент Герольдии Правительствующего Сената при создании проектов сибирских земельных гербов стремились не отступать от старых традиций российской геральдики. И хотя герботворчеству этого времени характерно отсутствие в изображениях орнаментальных символов, абстрагирования, геометризации, традиционных знаковых систем древней Руси, все же «старые» гербы сибирских городов Иркутска, Якутска, Олекминска и Нерчинска были оставлены неприкосновенными. Так осуществлялась приемственность древнеславянских традиций и средневековых корней Руси, их самобытности. На взгляд автора, роль этой приемственности в дореволюционной сибирской геральдике существенна. Символом города становилось изображение, интерпретированное с матриц сибирских печатей XVII в. Создатели гербов восточно-сибирских городов XVIII в. подошли к их символике достаточно утилитарно, описав каждый герб с точки зрения теоретической

геральдики. По всей видимости, по-другому и не могло быть, поскольку вновь учрежденные указом Екатерины II города практически не были известны в России. Описания их гербов являлись своего рода визитными карточками нового города.

Сами же изображения, представляющие определенные фигуры геральдических персонажей, далеки от совершенства. Это наипростейшие рисунки единственного символа с отсутствием сложной графики, орнаментальной рамки и других характерных особенностей изобразительных средств.

Гербы городов, областей и губерний Восточной Сибири XIX и XX вв. представляют более сложную группу, в которой присутствует уже ряд элементов знаково-образной геральдической системы. Их отличает более сложное композиционное решение, красочность и даже помпезность как внутренней части щита герба, так и внешних символов, раскрывающих по геральдическим правилам административно-территориальный статус соответствующего региона.

Развитие территориальной символики Восточной Сибири можно разделить на основные исторические этапы:

1. Вторая половина XVII в. - с 1656 г., когда был создан первый законодательный акт, удостоверяющий существование сибирских территориальных печатей, это «Роспись» царевым печатям в царствование Алексея Михайловича.

2. Конец XVII в. К 1692 г. по данному вопросу подготовлены и введены в действие законодательные акты Петра I. Создается новая «Роспись», и употребление территориальных сибирских печатей вступает в более активную фазу.

3. Первая четверть XVIII в. В 1722 г. по указу Петра I создается Герольдмейстерская контора, за период деятельности которой были созданы первые сибирские гербы всех крупных городов региона. Но в связи со смертью Петра I «сочиненные» гербы не получили должного развития, и в историческом развитии ряда городов, за малым исключением; не удалось отыскать их следы. В дальнейшем геральдическая служба сыграла огромную роль в истории сибирского герботворчества.

4. Конец XVIII в. Законодательные акты Екатерины II 1790 г. в сфере городского управления, изменение в административно-территориальном устройстве Восточной Сибири и, как следствие этого, создание на основе разработок Герольдмейстерской конторы территориальных гербов бывших и вновь созданных городов.

5. Вторая половина XIX в. Геральдическая реформа (1857 г.), созданная на основе западноевропейского герботворчества, затронула всю систему территориальной символики России, в том числе Сибири.

В численном отношении русским правительством было Высочайше утверждено: в XVII в. - 24 территориальных печати сибирских городов, из них 9 Восточной Сибири; в XVIII в. - 24 территориальных

герба; в XIX в. - 12 территориальных гербов; в XX в. - 2 территориальных герба Восточной Сибири.

Большинство сибирских территориальных символов утрачено, часть из них не были известны, некоторые остались как своеобразные памятники истории, материальной и духовной культуры того или иного края. И только немногим (символика Нерчинска и Иркутска) удалось не только «дожить» до современности, но и стать региональной символической субъектов Федерации России или их муниципальных образований. В определенной степени к виду территориальной символики Восточной Сибири относятся примеры родовых тамг забайкальских бурят, обозначенных регионом их конкретного проживания.

Иллюстративный ряд, представленный в таблицах, графически воспроизводит изображения старинных печатей и их трансформировавшихся образов в земельных гербах Восточной Сибири.

По теме исследования автором опубликованы следующие работы:

1. Куренная И.Г. Летящий из глубины веков. - М.;Чита: Забтранс, 1997.-121 с.-илл.
2. Куренная И.Г. К истории геральдики Забайкальской области и ее столицы // Проблемы комплексного изучения человека. Человек в условиях Забайкалья: Материалы региональной научно-практической конференции (30 нояб. - 2 дек.). - Чита, 1994. - С. 319-323.
3. Куренная И.Г. Высочайше утвержден: К истории геральдики Забайкальской области и ее столицы // Забайкалье: Лит.-худож. альманах.-Чита, 1995.-№1 (14).-С. 161-173.
4. Куренная И.Г. Символика // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Т.1. - Новосибирск: Изд-во Наука, 2000. - С. 67-72.
5. Куренная И.Г. Летящий из глубины веков // Вестник геральдики (Москва). - 2001. - № 13. - С 20-22.
6. Куренная И.Г. Возвращение (Герб Читы), С точки зрения российской геральдики (Герб Забайкальской области); Мечта герцогов Мекленбурга (Герб Читы) // Чита. Город во времени / Сост. и ответ ред. И.Г. Куренная. - Чита; Новосибирск., 2001. - С. 80-85
7. Куренная И.Г. Символ власти, великодушия и прозорливости: История герба города Нерчинска // Нерчинское Забайкалье: Архивный вестник № 6 / Администрация Чит. обл., Упр. по делам архивов Чит. обл., Гос. Архив Чит. обл.; Под ред. М.В. Константинова. - Чита, 2003. - С.103-106.
8. Куренная И.Г. Герб города Баргузинска // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Т.Н. - Новосибирск: Изд-во Наука, 2003. - С.233.
9. Куренная И.Г. Герб города Верхнеудинска // Там же.

10. Куренная И.Г. Герб города Доронинска // Там же.
11. Куренная И.Г. Герб города Мысовска // Там же.
12. Куренная И.Г. Герб города Нерчинска // Там же.
13. Куренная И.Г. Герб города Петровск-Забайкальского // Там же. - С. 234
14. Куренная И.Г. Герб города Селенгинска // Там же.
15. Куренная И.Г. Герб города Сретенска // Там же.
16. Куренная И.Г. Герб города Троицкосавска // Там же.
17. Куренная И.Г. Герб города Читы // Там же.
18. Куренная И.Г. Герб Забайкальской области // Там же. - С. 234-235.
19. Куренная И.Г. Герб Кяхтинского градоначальства // Там же. - С.235.
20. Куренная И.Г. Тень креста Царствующего рыцаря: Разработка печатей Нерчинской горной экспедиции в связи с геральдическими нововведениями Павла I // Архивный вестник № 2 / Администрация Чит. обл., Упр. по делам архивов Чит. обл., Гос. Архив Чит. обл. - Чита, 2004.-С. 76-79.

Лицензия на издательскую деятельность ЛРН № 040275 от 04.03.97

**Подписано в печать 25.05.04. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Способ печати оперативный. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,4.
Заказ № 07004. Тираж 100 экз.**

**Издательство Забайкальского государственного педагогического
университета им. Н.Г. Чернышевского
672007, г. Чита, ул. Бабушкина 129**

11376

-